

О.В. Белова

АРЕАЛЬНАЯ СТРУКТУРА БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В статье представлен обзор научных проблем над которыми в последние годы вели и продолжают вести совместную работу российские и белорусские ученые – специалисты в области этнолингвистики, диалектологии и фольклористики². В центре внимания исследовательского коллектива – формирование, развитие и особенности фольклорной традиции русско-белорусского пограничья. Это уникальное культурное явление как в плане содержания (сюжетно-мотивный состав фольклорных обрядовых тестов и текстов несказочной прозы, объединивший в себе черты соседствующих культурных традиций), так и в плане выражения (диалектные особенности, отраженные в языке фольклора и в локальных формах традиционной культуры). Исследование направлено прежде всего на междисциплинарное изучение ареального распределения, взаимодействия и модификации фольклорных сюжетов, обрядовых форм и диалектных особенностей в регионе белорусско-русского лингвокультурного пограничья. Результатом исследования должен стать максимально полный индекс «пограничных» сюжетов и мотивов фольклорных текстов различных жанров, бытующих на российско-белорусском пограничье.

Ключевые слова: этнолингвистика, диалектология, фольклор, жанр, сюжет, текстология, структура, ареал, традиция, легенды, предания, нарратив.

Введение. В русле развития современной фольклорной текстологии комплексное изучение фольклорных нарративов, бытующих на культурном пограничье, а также текстологический анализ легенд, преданий, обрядовых и магических текстов и т.п. (взаимодействие устных и книжных мотивов, механизмы адаптации заимствованных сюжетов и текстов, отражение динамики нарративной традиции в структуре текста, этнографический «конвой» фольклорных текстов, связь сюжетов легенд с поверьями) представляются крайне актуальными.

Исследования по текстологии фольклора пограничья и поликультурных регионов при всей их популярности в настоящее время еще не оформились в специальное фольклористическое направление с разработанной методикой и концептуальной базой. До сих пор фольклористы и этнолингвисты обращали внимание и прилагали усилия в области описания определенных фрагментов «фольклорной картины мира» поликультурных и поликонфессиональных регионов, выбирая в качестве объекта отдельные локальные этнические традиции и анализируя их бытование в инокультурном окружении. Именно благодаря разнообразному этническому окружению и разветвленным внутренним связям культура пограничья не только приобрела своеобразные черты, вобрав в себя элементы инославянских и неславянских традиций, но и сформировала уникальную межэтническую коммуникативную модель, отражающую специфику культуры «метрополии», «анклава» и непосредственно «пограничья». Специальное изучение фольклорного фонда пограничных ареалов, таким образом, вносит новый вклад в этнолингвистические, лингвоареалогические и этнодиалектные исследования.

Основная часть. Проведенные исследования направлены прежде всего на междисциплинарное изучение ареального распределения, взаимодействия и модификации фольклорных сюжетов, обрядовых форм и диалектных особенностей в регионе белорусско-русского лингвокультурного пограничья, а также на установление внутренних и внешних связей фольклорной традиции пограничья (ориентированность на культуру метрополии или, наоборот, локальная замкнутость; наличие «очаговых» традиций, или этнокультурных островов), на анализ таких явлений, как «фольклорное двуязычие» пограничной традиции (как в языковом, так и в культурном плане) и образование общего культурного диалекта внутри отдельного региона. Поскольку исследования по фольклору пограничья не имеют четко очерченной методологии, понятийного словаря и концептуальной базы, то перед исследователями стоит первоочередная задача – дать адекватное определение «культурному ареалу пограничья». Для этого необходимо выяснить, каким образом в исследуемой контактной зоне представлены и соотносятся между собой (в синхронном и диахронном планах) различные типы границ: языковые, фольклорные, этнокультурные, административные.

Изучение и описание культуры пограничья велось и ведется нами в двух основных направлениях: 1) анализ фольклорных связей (сюжетных, текстологических) внутри белорусской и русской традиций – на уровне этнокультурных диалектов; 2) изучение «фольклора пограничья» и влияния культурной границы на устную традицию контактных зон. На основе широкого привлечения опубликованных и архивных источников и особенно материалов полевых исследований последних лет стала возможной (на примере пограничного/контактного белорусско-русского культурного ареала) реконструкция части восточнославянского нарративного (легенды, предания, устные рассказы) и мифо-поэтического (заговоры) универсумов в их культурно-диалектном разнообразии.

Фольклорный фонд белорусско-русского пограничья изучался в контексте внутренних и внешних связей зафиксированных в данной традиции фольклорных сюжетов и мотивов, что дало возможность

сравнить сюжетику и топику русских и белорусских нарративов с соответствующими текстами, бытующими в культуре этнических соседей, а также в анклавных русских и белорусских традициях на сопредельных с Россией и Белоруссией территориях (Польша, Литва). Данный подход представляется оправданным и продуктивным для полноценного описания локальных и микролокальных традиций и остается на вооружении исследовательского коллектива.

В ходе анализа собранного материала становится очевидным, что применительно к «фольклорному полю» административные, этнокультурные и языковые границы не совпадают. Границы бытования отдельных сюжетов и мотивов (как и формы их языковой (диалектной) репрезентации) часто не укладываются в «административную сетку» (яркий пример тому – западные районы Смоленской и Брянской областей, исторически тяготевшие к белорусской языковой и фольклорной традиции); существуют «буферные зоны» (когда аналогичные обрядовые или легендарные комплексы фиксируются не в прилегающих друг к другу пограничных районах, а отделены от границы территорией, не знающей этих сюжетов); налицо коммуникативные и языковые узловые локусы, где происходит переплетение русских и белорусских традиций или где особенности фольклора и языка не позволяют отнести их однозначно к белорусской или русской традиции.

Дальнейший анализ текстов должен показать, подчиняется ли пограничный ареал структурному членению, характерному для административного пространства: есть ли у него центр и периферия, является ли пограничье устойчиво-статичным образованием или в фольклоре и языке фольклора пограничного ареала происходят динамические процессы, направленные как внутрь выделяемого нами этнокультурного региона, так и вовне его; каким образом в зонах этнокультурных контактов распространяются фольклорные сюжеты и мотивы, существуют ли ойкиотипы и сюжеты-эндемики, можно ли выявить общую группу протомотивов для славянского ареала, каким образом на фольклорные нарративы и тексты устной истории проецируется конфессиональная принадлежность и мультикультурность населения.

Таким образом, одной из важнейших проблем в описанном выше исследовательском ракурсе становится осмысление соотношения языковых и культурных диалектов и их ареальное распределение (с учетом неоднократных изменений в течение XX в. административных границ в этом регионе, что вело к механическому разделению историко-культурных областей).

При этом необходимо иметь в виду, что на сегодняшний день очевидна разнородность в научном обосновании лингвогенетического статуса восточнославянских диалектов по обе стороны белорусско-русской административной границы, в особенности западно-восточной ее части. Анализ литературы вопроса показывает, что разъединение белорусских и русских (именно южно-псковских, западно-смоленских и западно-брянских) говоров, произведенное в 50–60-х гг. прошлого века, и их дальнейшее внутреннее членение в диалектологических атласах белорусского и русского языков было во многом искусственным и диктовалось соображениями, далекими от науки. В настоящее время актуальной для этнолингвистики становится и проблема переосмысления этнической принадлежности большинства населения юга Псковщины, запада Смоленщины и Брянщины – как принадлежащих к русскому этносу и, соответственно, говорящих на диалектах русского языка. Следовательно, происходит смещение языковой границы, которая выбивается из лингвистических рамок, переходя на современный социо-/этнолингвистический уровень. Данное явление, безусловно, является фактом современного состояния русского и белорусского языков (их диалектов) по обе стороны государственной границы. Столь же очевидны признаки границы конфессиональной, в частности, старообрядчества на Витебщине, Гомельщине и Брянщине (с историческим центром на Ветке и в Стародубе) и православия вокруг него. Принципиально иная ситуация с границей (этно)культурной – она фактически отсутствует. Показательными в этом смысле являются достаточно хорошо исследованные Подлясье/Подляшье и западное Полесье, составляющие в принципе единый культурный ареал. Именно поэтому пограничье, особенно «новое» белорусско-русское, интересно тем, что существует вне административных границ и в этнолингвистическом/этнокультурном плане часто представляет собой зону «нестандартных случаев» [1].

Наиболее актуальным и интересным с этнолингвистической, фольклористической и социокультурной точек зрения оказывается исследование белорусско-русского пограничья, сформировавшегося в обозримых хронологических рамках: оно существует вне административных границ и в этнолингвистическом/этнокультурном плане представляет собой уникальный анклав культуры. Таким образом, в отношении традиционной духовной культуры белорусско-русского пограничья именно ареальный подход оказывается исключительно плодотворным, т. к. дает возможность для: а) определения через призму картографической проекции лингвокультурных ареалов пограничья; б) выявления общих и локальных механизмов организации языка культуры и специально – языка фольклора; в) выявления организации (своеобразного «внутреннего устройства») лингвокультурного локуса; г) выявления векторного распределения фольклорных мотивов и сюжетов и направления их «миграций»; д) определения перспектив научной реконструкции отдельных утраченных элементов в лингвокультурных локусах пограничья.

Для исследователя фольклорных текстов из регионов культурного пограничья чрезвычайно привлекательно, с одной стороны, выявить механизмы «национального» и регионального варьирования общего корпуса восточнославянских сюжетов, а с другой – продемонстрировать, как региональные и

«этнические» сюжеты проникают в соседние традиции, осваиваются там и, в конечном счете, начинают функционировать как свои собственные.

Текстология фольклора базируется на представлении о вариативности фольклора как его сущностной характеристике; она предполагает максимально полный учет вариантов текста, разнообразных в географическом, историческом, социальном отношениях; учет специфических особенностей, накладываемых средой бытования и диалектом (языковым и этнокультурным). Совокупность вариантов дает возможность исследовать историю сюжета или мотива в реальном историческом времени и в реальном географическом пространстве. Такой подход предполагает сочетание фольклористических методов исследования с методами, разработанными в цикле лингвистических (диалектология) и отчасти исторических дисциплин. Данная методика делает возможной не только изучение системы актуальных верований, представленных фольклорно-этнографическими данными XIX–XXI вв., но предполагает также выяснение генезиса отдельных сюжетов. При этом обязательным условием анализа является учет конфессиональной специфики изучаемого региона и освоение общего корпуса сюжетов и мотивов в зависимости от конфессиональных и историко-культурных границ.

Таким образом, в нашу задачу входит составление максимального полного индекса «пограничных» сюжетов и мотивов, а затем сведение полученных данных в сводный индекс (метауказатель). Для рабочего варианта аннотированного указателя наиболее значимых сюжетов и мотивов пограничья производилось сведение белорусских и русских версий легенд и преданий, связанных с затонувшими храмами, культовыми местами, демонологическими персонажами, заговорной традицией, ритуально-обрядовыми практиками «вождения и похорон стрелы / сулы», плювиальной магии. Помимо печатных источников прошлых лет, мы использовали современные публикации, интернет-публикации, полевые и архивные материалы по Псковщине, материалы экспедиций российских и белорусских участников проекта по Брянщине (Новозыбковский, Красногорский Суражский, Мглинский, Почепский р-ны, г. Клинцы) и Смоленщине (Смоленский, Руднянский, Велижский, Красненский р-ны).

Для формализованного описания сюжетов и мотивов легенд и преданий О.В. Беловой и Е.М. Боганевой была предложена следующая схема:

- аннотация сюжета (основные мотивы);
- зафиксированные на пограничье версии – количество и география;
- основные мотивы (с указанием уникальных или трансформированных) с указанием их географического распределения;
- параллели из русской и белорусской традиций; параллели из других традиций (украинской, польской, литовской, еврейской).

В основу формализованного описания текстов лечебных и магических заговоров были положены разработки Т.В. Володиной и Т.А. Агапкиной (предложенная модель учитывает как структурную особенность заговорного текста, так и его сюжетообразующие составляющие, в значительной степени обуславливающие прагматику текста). Для составления аннотированного указателя заговоров Т.В. Володина разработала базу данных, которая помимо текста и подробного паспорта включает такие позиции, как мотив, зачин, закрепка, образ. В настоящее время в «пограничной» традиции наибольшее количество заговоров зафиксировано в Гомельской области, а лидирующие позиции занимает здесь Ветковщина. Выделены наиболее популярные для пограничья мотивы лечебных заговоров. Так, среди заговоров от рожи (проанализированы и аннотированы также заговоры от вывиха и грыжи) наиболее популярным на пограничье является мотив «рожа (воспаление) – цветок». В целом можно утверждать, что для поднепровских и подвинских заговорных текстов существует ряд специфических характеристик, которые касаются объема, структуры, внутренней логики, образности и поэтической выразительности [2, 3, 4].

Составление общего свода сюжетов и мотивов позволит выделить среди всего корпуса сюжетов универсалии, характеризующие восточнославянский пласт нарративной традиции пограничья, локальные варианты и версии, характерные для микрорегионов, сравнить русский и белорусский материал с данными фольклорных традиций этнических соседей в данных регионах и на сопредельных территориях. В результате можно не только проследить формирование особенностей фольклорных текстов (сюжетный и мотивный состав, структура, элементы заимствования, языковое воплощение, бытование письменных и устных форм текста и т.п.), но и провести мониторинг живой традиции (сравнение архивных и опубликованных материалов XIX – начала XX в. с современными данными из этих же регионов). Собранный и обрабатываемый материал дал возможность сравнить сюжетику и топику русских и белорусских нарративов с соответствующими текстами, бытующими в культуре этнических соседей – поляков, евреев, литовцев, латышей, а также в анклавных русских и белорусских традициях на территории восточной Польши, Латвии и Литвы, что в дальнейшем может стать предметом самостоятельного масштабного исследования.

При анализе отдельных мотивов и сюжетов мы специально привлекаем тексты, записанные как в XIX – начале XX в. (например, В.Н. Добровольским [5] и П.В. Шейном [6] и др.), так и в последние годы. Благодаря таким хронологическим рамкам можно видеть, с одной стороны, устойчивые границы культурных ареалов (если новые и старые материалы совпадают), а с другой – проследить трансформацию традиции пограничья, подвижность границ, векторное распределение (иррадиацию) мотивов и сюжетов.

Материал показывает, что в большинстве случаев нарративы, бытующие в зоне культурного пограничья или формирующиеся в русле «пограничной» традиции, отличаются от нарративов метрополии своей «комплексностью», «мозаичностью», «неординарностью» в силу того, что «пограничные» тексты являются репрезентантами сразу нескольких соседствующих традиций.

Эти особенности «пограничных» легендарных нарративов манифестируют подготовленные Е.М. Боганевой рабочие карты, основанные на данных белорусской и русской традиций и интерпретирующие около 20 мотивов этиологических легенд: «Легенды об Адаме и Еве (Адамово яблоко)», «Легенды о происхождении пятен на Луне, великий потоп, Вавилонскую башню», «Легенды о проклятой осине», «Легенды о цыгане и евреях (распятие Христа)», «Легенды об оживших петухе и рыбе» и др. Все перечисленные сюжеты в своих «пограничных редакциях» представляли варианты с нестандартными или уникальными мотивами, образовывали микролокальные комплексы, характерные именно для изучаемого ареала, или связки сюжетов, неизвестные другим локальным традициям [7].

В этой связи приведем еще один пример. Сюжет о хлебном колосе (уменьшение колоса сакральным персонажем в наказание за грехи людей) в версии, зафиксированной на западе Смоленщины, совмещает два мотива: наказание ленивой жницы и дарование доли хлеба собаке. Ленивые жницы ропщут на колосья, растущие от самой земли, Бог решает стрясти все колосья и оставить одни стебли. Собака просит оставить часть колоса на «собачью долю», поэтому люди теперь питаются не своей долей хлеба, а собачьей (Смоленский уезд Смоленской губ.; ср. вариант из Могилевской губ., где фигурируют ленивая жница и коты, которые «закурнывали» и выпросили свою долю хлеба). Таким образом, по обе стороны административной границы бытует один и тот же вариант сюжета, причем отличный от других вариантов, известных в русской и в белорусской традициях, что позволяет предположить наличие микроареала для этой версии сюжета. По доступным нам современным данным, подобное совмещение двух мотивов наблюдается только в брянском Полесье (брянско-гомельско-черниговское пограничье, Почепский и Стародубский р-н Брянской обл.) [8].

Особый интерес для текстологического анализа представляют связки сюжетов в рамках одной легенды, – при этом традиционные сюжеты получают новую интерпретацию, в тексте появляются новые мотивы, а механизмы такой контаминации сами по себе заслуживают внимания. Примером может служить легенда из Витебского р-на Витебской обл., объясняющая неупотребление евреями в пищу свинины (контаминация двух сюжетов – о превращении женщины в свинью и о наличии крестовидной кости в теле животного, который обычно связывается с коровой) [9].

Особо актуализируется в связи с картографическим аспектом проблема формирования в фольклорных традициях культурного пограничья «своих» сюжетов и образов, присущих конкретным локальным традициям. Так, основываясь на материале, впервые вводимом в научный оборот, удалось выделить некоторые характерные черты персонажей славянской народной демонологии, появляющиеся в текстах белорусско-русского пограничья на примере местных поверий о «доброхожих», о летучем змее, о «фараонах», о домовых, русалках, «злыднях» [10, 11, 8, 12, 13].

Следует отметить, что выводы о состоянии сюжетно-мотивного фонда фольклорной прозы на пограничье могут корректироваться с учетом введения в научный оборот новых данных и зависеть от степени охвата фактического материала. Так, несколько поспешным нам представляется вывод, сделанный новозыбковскими коллегами в исследовании, посвященном изучению современной народной демонологии (а именно – образу домового) на территории российско-белорусского пограничья [14]. Опираясь на работы предшественников, посвященных общеславянской, русской и белорусской народно-мифологической традиции, и ориентируясь в основном на материал, записанный в Гомельской обл. Белоруссии, авторы при характеристике представлений о домовом, бытующих на Брянщине, отказали этому персонажу в ряде функций и признаков только на основании того, что «на территории Брянской области подобных примеров не зафиксировано» [14, с. 136]. Однако, как показывает материал полевых исследований на Брянщине, локальный тип домового в этом регионе не только обладает всеми характеристиками восточнославянского домового, но и демонстрирует яркие микролокальные особенности (в том числе на российско-белорусском пограничье)³ – например, являет собой образ «добрého домового» (Новозыбковский р-н Брянской обл.) [15, с. 52–83].

Исследовались также формы бытования пограничных сюжетов. Так, например, народно-христианская легенда «Чудо с пшеницей» (Богородица с младенцем бежит от погони; их видит сеятель; преследователи спрашивают его, когда пробегала тут женщина с ребенком; он отвечает, что когда он пшеницу сеял; погоня прекращается, потому то пшеница чудесным образом вырастает за ночь и преследователи уверены, что прошло много времени) в белорусской и польской традициях бытует в форме колядки и в форме легенды; причем, как показали исследования польской фольклористики М. Зовчак, именно песенный текст послужил источником прозаической версии сюжета [16, с. 268–273]. На пограничье Брестской и Гродненской областей он фиксируется только в прозаической форме; текст песни (колядки) из активного обращения ушел, хотя носители традиции о нем помнят [17]. Сравнивая две соседние традиции бытования данного сюжета можно предположить его распространение с запада на восток, причем с постепенной утратой первоначальной жанровой формы (в активном бытовании остается только легенда).

Большой вклад в пополнение фактической базы данных по фольклору пограничья внесли исследования объектов сакральной географии на территории витебско-псковского ареала (в Верхнедвинском и Полоцком р-нах Витебской обл.), проведенные В.А. Лобачем [18, 19]. На основе данных полевых исследований и архивных материалов была проведена предварительная классификация объектов сакральной топографии, в частности, культурно-сравнительный анализ народных преданий о «деревенских святынях» (культовых источниках, колодцах, камнях, деревьях, часовнях) и других объектах сакральной топографии («святых озерах», «церквищах», городищах, курганах, горах, «французских могилах» и т.п.). Полевые исследования показали, что в большинстве случаев фольклорная память локального сообщества оперирует лишь оперативной историей, в то время как информация о причинах появления культового места и его святости уже утрачена (но устойчиво сохраняются запреты и предписания, связанные с данным местом). В тех же случаях, когда память о легендарном происхождении культового места сохранилась, можно выделить несколько сюжетных линий (чудесное явление сакрального предмета, возведение культового объекта на месте военных действий, появление источника/озера на месте провалившегося храма/деревни).

В задачи исследователей входило показать единство фольклорной культуры белорусско-русского пограничья на материале таких разных в жанровом отношении групп текстов, как культурные нарративы (легенды, предания) и заговоры, которые, тем не менее, разрабатывают общую базу «протомотивов», опираясь на архаические (мифологические) и книжно-апокрифические тексты. При этом следует учитывать, что количественный состав собранных текстов заговоров позволяет охарактеризовать не столько степень распространенности заговорного жанра в том или ином регионе, сколько уровень обследованности территории на предмет записи вербального сопровождения заговорно-заклинального акта.

Так, проведенное в 2011–2012 гг. Т.А. Агапкиной исследование сюжетов и мотивов восточнославянских заговоров (главным образом лечебных), показало, что русско-белорусское пограничье, рассматриваемое сквозь призму заговорной сюжетики, представляет собой не только достаточно широкую территорию, на которой фиксируются фольклорные явления, общие для обеих национальных фольклорных традиций, но также своего рода звено, связующее более удаленные восточнославянские и инославянские регионы). Установленные сюжетные сходжения в заговорах почти никогда не бывают ограничены территорией сопредельных русских и белорусских областей и либо распространяются вовне, прежде всего в направлении русского северо-запада, либо обнаруживают связи с севернорусскими территориями и Виленщиной, а через их посредство – с польской фольклорной традицией, или, наконец, соединяют север восточнославянской традиции с ее югом. Русско-белорусское пограничье оказывается, таким образом, фрагментом целого ряда восточнославянских изодоков, выделяющих и охватывающих отдельные явления духовной культуры, в том числе фольклора [20].

Еще один тип нарративов, который привлек внимание исследователей, это вербальные формулы, функционирующие в рамках определенных обрядовых и ритуальных действий или мотивирующие запреты и предписания, связанные с обрядовыми действиями; лаконичные по форме тексты этого типа часто представляют собой свернутые сюжеты или связи мотивов. Например, Т.А. Агапкина проанализировала верования, запреты и обряды, касающиеся деревьев, и пришла к выводу, что все эти форы традиционной культуры обнаруживают сходные региональные закономерности. Проведенный Т.А. Агапкиной анализ традиционных запретов, относящихся к дикорастущим деревьям и ограничивающих их бытовое и хозяйственное использование (таких как запреты прятаться под деревом во время грозы или сажать дерево около дома и т.д.), показало, что эти запреты в целом известны на всей территории русско-белорусского пограничья (по обе стороны «границы»), а их конкретизация (т.е. применение запрета к той или иной породе деревьев) зависит прежде всего от микролокальной традиции, отдающей предпочтение деревьям определенной породы, «женским» или «мужским» деревьям, деревьям с теми или иными особенностями внешнего вида (крупное, неправильной формы) и др. Наблюдения над географическим распределением запретов, касающихся дикорастущих деревьев, показали специфику их распределения в пограничном ареале и определенную векторность их распространения. Плотность этих запретов, глубина мотивирующих их поверий, присутствие в традиции этиологических преданий, подкрепляющих той или иной запрет, – все эти факторы (которые можно трактовать как свидетельство архаичности той или иной местной традиции) более активно присутствуют на территориях припятского Полесья, особенно в регионах Нижней и Средней Припяти, в то время как ближе к границе (междуречье Припяти и Днепра, Поднепровье) эти архаические запреты выражены гораздо слабее, а мотивирующие их поверья часто отсутствуют [21]. Второе исследование в рамках этой темы было посвящено святочным ритуалам, совершаемым в отношении плодовых деревьев. В целом эти ритуалы известны на всей территории Полесья, однако их частотность заметно убывает в направлении с запада на восток. Если на западе и в центре Полесья (в припятском Полесье) можно насчитать не более пяти-шести сел, где такие ритуалы отсутствуют или не зафиксированы, то на востоке, на белорусско-русском пограничье, таких случаев гораздо больше. Кроме того, ритуалы, записанные на западе Полесья, представляют собой развитые и многослойные явления, в которых соединяются разные мотивы и действия (обязывание, зарубание/устрашение, бужение, хождение с хлебом, обязывание вымазанными в тесте руками, хождение босиком и т.д.), в то время как ритуалы восточного Полесья и русско-белорусского пограничья более лаконичны, однотипны, менее разнообразны и слабо

мотивированы. Все эти особенности распространения полесских святочных ритуалов, адресуемых плодовым деревьям, вполне объяснимы, если иметь в виду внешний фон, а именно то, что на великорусской территории такие ритуалы практически полностью отсутствуют (и таким образом трудно ожидать их появления в зоне русско-белорусского пограничья), в то же время как в Карпатах, у чехов, словаков и на юге Польши они имеют массовое распространение [22].

Кратко остановимся на (этно)лингвистическом аспекте наших исследований. Микролокальные традиции, представляющие собой средоточие разных языковых стихий, способны порождать тексты, направленные на легитимизацию тех или иных языковых особенностей, присущих данному ареалу. Проиллюстрируем это положение лишь одним примером.

В 1997 г. в д. Пески Мостовского р-на Гродненской обл. была записана топонимическая легенда о происхождении названий деревень Пески, Мижево и Выгода. Проезжала как-то раз через эти места богатая помещица, остановилась на отдых, а тут некстати пропали ее собачки, которых звали *Міжы* и *Выгзді*. Стали искать, звать собак: «Пескі, пескі, пескі! Дзе ж вы? Ідзіце сюды». На следующий день собачку *Міжы* нашли в трех километрах и назвали тамошнее поселение *Міжава* (Мижево). Другую собаку нашли через трое суток в противоположной стороне, и место назвали *Выгода* (Выгода). А место, где была стоянка барыни, «адразу назвалі *Пяскі*, а затым пад уплывам руска-беларускага говару назва вёскі абрусілася і зараз мы яе называем *Пескі*» [23, с. 73–74].

В чем же заключается интрига этого локального текста? В Мостовском р-не исторически сильно влияние польского языка. Согласно народной этимологии, название деревни – *Пяскі* – однозначно соотносится с местным диалектным *пяс* ‘собака’ (< польск. *pies* [пес]), которое во мн.ч. дает искомое *пясы*, *пяски* (т.е. «собачки»). А влияние «руска-беларускага говару» в народном сознании проявилось как бы во вторичном отнесении наименования к значению ‘песок’ (с возможным переносом ударения). Но на самом деле первичное *Пяскі* происходит от польск. *piaski* ‘пески’ и означает селение на песках, песчаной почве, что соответствует действительности – деревня находится между двух рукавов речки Зельвянки (за разъяснение благодарю Н.П. Антропова). В легенде перенос семантики топонима на значение ‘собака’ очевиден: место, где была стоянка барыни, называется *Пескі* и связывается с сюжетом о собачках, поскольку созвучно польск. *piesy/pieski* ‘собаки’. И как раз в этом омофоническом схождении с рус. *пески* (опять же с возможным переносом ударения) местные люди видят изменение семантики названия деревни Пескі/Пескі.

Этот пример наглядно показывает возможность формирования общего диалекта пограничного микрорегиона, когда дело не ограничивается лексическими заимствованиями из иного языка (исторически соседствующего или привнесенного извне). Как показывают исследования диалектологов, такого рода явления характерны для периферийных говоров метрополии (о векторности языковых процессов [24]) и находят отражение также в языке фольклора (о русском влиянии на терминологию традиционной свадьбы в Добрушском и Ветковском р-нах Гомельской обл. [25]).

Представленные в этом обзоре проекты органично вписались в динамично развивающееся в современной науке направление – комплексное изучение культурного пограничья не только как ареала пересечения различных традиций, но и как особой культурной коммуникационной модели. На основе собранного фактического материала были размечены «границы пограничья» – данные подтвердили, что во многом условная для традиционной культуры административная граница часто становится не столько сократительной полосой между традициями, сколько линией притяжения, вдоль которой наблюдается сокращение этнической дистанции и культурный синкретизм достигает максимума; в то же время в метрополию пограничье переходит неравномерно, теряя свою специфику по мере удаления от черты, разделяющей соседние традиции. В связи с этим подробно изучались и изучаются очаговые традиции, выявлялись и анализировались микролокальные комплексы сюжетов и мотивов, а также изодокусы традиционной культуры, характеризующие пограничье не только как контактную зону соседствующих традиций, но и как канал связи между более отдаленными традициями.

Актуальность проблематики продолжающегося проекта, его результатов для прикладной фольклористики, этнолингвистики и фольклорной ареалогии заключается в том, что он органично вписывается в динамично развивающееся в современной науке направление – комплексное изучение культурного пограничья не только как ареала пересечения различных традиций, но и как особой культурной коммуникационной модели. В последние 20 лет категория пограничья в современной культурной антропологии, фольклористике и этнолингвистике все более трактуется как методологическая проблема. Ученые-слависты отмечают культурный синкретизм как характерную черту «пограничных» отношений, сокращение этнической дистанции в контактных зонах, феномен «открытой» границы, которая становится более линией культурного притяжения, нежели демаркационной чертой, пространством контактов различных групп (языковых, культурных) и различных систем ценностей [26]; говорят о бытовании различных форм традиционной культуры на этническом пограничье [27]; исследуют пограничье в целом как поле проявления самобытности и народную религиозную культуру пограничья как важнейший фактор культурного самоопределения [28]; проводят этнокультурологический и этнолингвистический анализ особой категории, определяемой как «люди пограничья», и исследуют этнокультурные стереотипы, отразившиеся в языке и фольклоре пограничных регионов [29, 30, 31]; анализируют понятие «синдром

пограничья», имея в виду специфику этнического самоопределения на границе двух культур (выражающейся в языке, конфессиональной принадлежности, этнокультурной ориентации) [32].

Заключение. Безусловно, дальнейшего пристального внимания исследователей-гуманитариев заслуживают функции пограничья как своеобразного аккумулятора традиции (на пограничье сохраняются многие архаические верования и представления, нашедшие отражения в текстах фольклора) и среды, способствующей консервации (то есть сохранности!) культурного наследия. Как показывает собранный материал, в условиях сосуществования, взаимовлияния и известной конкуренции традиций на этнокультурном пограничье происходит оживление фольклорных процессов, причем не за счет влияния извне («реконструкции» обрядов работниками сферы культуры и народного образования, создание «местной мифологии» краеведами и историками-любителями), а за счет внутренних ресурсов самой традиции (приложение традиционных фольклорных сюжетов к новому контексту). Именно на пограничье мы имеем редкую возможность для учета фольклорных универсалий и локальных раритетов, а также механизмов трансформации фольклорных сюжетов в зоне пересечения культурных и языковых традиций.

В настоящий момент очевидно, что потенциал гуманитарных исследований в области изучения культурного межрегионального взаимодействия действительно велик. Широкие перспективы открываются в связи с возможностью сопоставления в одном пространстве (в рамках этнокультурного ареала, в данном случае определяемого как «культурное пограничье») типологически однородных, но локально разнообразных текстов народной культуры. Исследования такого рода призваны наглядно продемонстрировать действие культурных механизмов, обеспечивающих сохранность традиции на сопредельных территориях, связанных общностью исторических судеб.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья подготовлена в рамках проекта «Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: язык и фольклор» (РГНФ-БРФФИ, 13-24-01003).
2. В течение последних лет в этой сфере проводится работа над двумя масштабными российско-белорусскими проектами: «Легендарные и мифологические нарративы белорусско-русского пограничья в контексте внутренних и внешних связей» (РГНФ-БРФФИ 11-24-01002 / договор № Г11Р-002. Участники проекта с российской стороны – О.В. Белова (руководитель), Т.А. Агапкина, А.Б. Мороз, М.А. Каспина; с белорусской стороны – Н.П. Антропов (руководитель), Е.М. Боганева, Т.В. Володина, В.А. Лобач) – 2011–2012 гг.; «Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: язык и фольклор» (РГНФ-БРФФИ 13-24-01003; участники проекта с российской стороны – А.Б. Мороз (руководитель), О.В. Белова, В.А. Комарова, Н.В. Петров, Н.С. Петрова; участники проекта с белорусской стороны – Т.В. Володина (руководитель), Н.П. Антропов, Е.М. Боганева, Т.И. Кухаронак, В.А. Лобач) – 2013–2014 гг.
3. См. материалы, зафиксированные в границах с Белоруссией Новозыбковском, Климовском и Клетнянском р-нах Брянской обл. [15, с. 53, 60, 62, 64, 71, 72, 76, 80].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антропов, Н.П.* Исследование традиционной культуры белорусско-русского пограничья: проблемы и перспективы / Н.П. Антропов, О.В. Белова // Межакадемический совет по проблемам развития Союзного государства. Вып. 4: Гуманитарное сотрудничество – основа углубления интеграции Союзного государства / Под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. – Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2012. – С. 49–60.
2. *Валодзіна, Т.В.* Метафары жыццёвай сілы ў найўнай антрапалогіі беларусаў / Т.В. Валодзіна // Язык и межкультурные коммуникации: материалы III Международ. науч. конф., Минск–Вильнюс, 17–20 мая 2011 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. В.Д. Стариченок, Г. Кундротас, И.П. Кудреватых и др., отв. ред. В.Д. Стариченок. – Минск: БДПУ, 2011. – С. 120–121.
3. *Володина, Т.В.* Текст болезни в этносемиотической перспективе / Т.В. Володина // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов (Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.) / Редкол: В.А. Тишков и др. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – С. 368.
4. *Володина, Т.* Заговоры от червей в ране – белорусская традиция на европейском фоне / Т. Володина // Заједничко у словенском фолклору / Уредник Љубинко Раденковић / Српска академија наука и уметности. Балканолошки институт. – Београд: Балканолошки институт 2012. – Кн. 3. – С. 93–106.
5. *Добровольский, В.Н.* Смоленский этнографический сборник / В.Н. Добровольский. – СПб., М., 1891–1903. – Ч. 1–4. (ч. 1 – 1891, 808 с., ч. 2 – 1893, 443 с., ч. 3 – 1894, 137 с., ч. 4 – 1903, 720 с.).
6. *Шейн, П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П.В. Шейн. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. – Т. 2. – 715 с.
7. *Боганева, А.М.* Беларускія легенды пра чарапаху ў кантэксце сусветных касмаганічных міфаў / А.М. Боганева // Аўтэнтычны фальклор: праблемы вывучэння, захавання, пераймання: зборнік навуковых прац удзельнікаў VI Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 27–29 красавіка 2012 г.) / БДУКМ; рэдкал.: Мажэя М.А. (адк. рэд.) і інш. – Мінск: БДУКМ, 2012. – С. 104–107.
8. *Белова, О.В.* Фольклорные нарративы пограничья: проблемы и перспективы исследования (на примере народно-христианских легенд и топонимических преданий) / О.В. Белова // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013. Доклады российской делегации / Отв. ред. А.М. Молдован. – М.: Древлехранилище, 2013. – С. 466–485.

9. Беларуская «народная Біблія» ў сучасных запісах / Уступ. артыкул, уклад. і камент А.М. Боганевай. – Мінск: БДУКМ, 2010. – 166 с.
10. Белова О.В. Фольклор брянско-гомельского и брянско-черниговского пограничья: диалог региональных традиций // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2010. – Брянск, 2010. – С. 27–32.
11. Белова, О.В. «Литаить змей к людям...» Летающие змеи гомельско-брянско-черниговского пограничья / О.В. Белова // Живая старина. – 2012. – № 1. – С. 24–26.
12. Боганева, Е.М. «Харошыя былі людзі, толькі іх не відзеў ніхто» / Е.М. Боганева // Живая старина. – 2009. – № 4. – С. 14–16.
13. Боганева Е.М. «Гаручы змей – так ён зваўся» // Живая старина. – Москва, 2012. – № 1. – С. 27–30.
14. Стародубец, С.Н. Образ домового на территории российско-белорусского пограничья / С.Н. Стародубец, М.А. Мухина // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2010. – С. 134–136.
15. Былички и бывальщины: Суеверные рассказы Брянского края / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и прилож. В.Д. Глебова. – Орёл; Брянск: Изд-во ОГУ, 2011. – 405 с.
16. Zowczak M. Biblia ludowa. Interpretacje watków biblijnych w kulturze ludowej. – Wrocław: Wydawnictwo FUNNA, 2000. – 550 s.
17. Bohaneva, Alena. Légendes étiologiques dans la «Bible paysanne» biélorusse (Nativité, Fuite en Egypte) // Contes et légendes étiologiques dans l'espace européen / Sous la direction de Galina Kabakova. – Paris: Flies France, 2013. – P. 59–66.
18. Lobach, U. The sacred lakes of the Dvina region (Northwest Belarus) / Uladzimer Lobach // Archaeologia Baltica. – Vilnius, 2011. – T. XV. – P. 61–68.
19. Лобач, В.А. Символика гор в традиционной картине мира белорусов Подвинья / В.А. Лобач // Живая старина. – 2012. – № 3. – С. 25–29.
20. Агапкина, Т.А. Сюжетные сходжения в области лечебных заговоров на территории русско-белорусского пограничья / Т.А. Агапкина // Славянский альманах 2011. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2012. – С. 357–364.
21. Агапкина, Т. Традыцыйныя палескія забароны, звязаныя з дрэвамі / Т. Агапкина // ARCHE. – 2011. – № 3(102): Палесьсе: народы, улады і войны. – С. 89–100.
22. Агапкина, Т.А. Полесские святочные ритуалы, относящиеся к плодовым деревьям / Т.А. Агапкина // Живая старина. – 2012. – № 4. – С. 28–31.
23. Беларускі фальклор Гроздэншчыны: Народны эпас. Замовы. Варажба / Склад. Р.К. Казлоўскі. – Гродна: ГрДУ, 2007. – 208 с.
24. Курцова, В.М. Беларуская-руская памежжа: вывучэнне працэсаў развіцця некаторых моўных асаблівасцей у сучасных беларускіх гаворках / В.М. Курцова // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2010. – С. 111–116.
25. Станкевич, А.А. Лексика свадебной обрядности в горах белорусско-русского пограничья: межъязыковые контакты и взаимодействия / А.А. Станкевич // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2010. – С. 105–111.
26. Babiński, G. Pogranicze etniczne, pogranicze religijne. Modele wychowania dla pluralizmu / G. Babiński // Przegląd Religioznawczy. – Warszawa, 1994. – T. 3. – S. 31–41.
27. Rusek, H. Globalizacja a pogranicze – przypadek szczególny Śląska Cieszyńskiego / H. Rusek // Lud. Polskie Towarzystwo Ludoznawcze. – WROCLAW; KRAKÓW; POZNAŃ, 2010. – T. 94. – S. 159–172.
28. Zowczak, M. Antropologia, historia a sprawa ukraińska. O taktyce pogranicza / M. Zowczak // Lud. Polskie Towarzystwo Ludoznawcze. – WROCLAW; KRAKÓW; POZNAŃ, 2010. – T. 94. – S. 45–67.
29. Sadowski, A. Pogranicze polsko-białoruskie. Tożsamość mieszkańców / A. Sadowski. – Białystok: Trans Humana, 1995. – 269 s.
30. Гуцьева, О.И. К вопросу об авто- и гетеростереотипе поляка на польско-литовско-белорусском пограничье / О.И. Гуцьева // Славянский альманах. 2010. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2011. – С. 261–280.
31. Белова, О.В. Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Витебщины) / О.В. Белова // Беларуская Падзвінне : вопыт, методыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў: зб. навук. прац міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 21–23 красав. 2011 г.: у 2 ч. Ч. 1 / Полацкі дзярж. ун-т; пад агульн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача. – Наваполацк: ПДУ, 2011. – С. 130–136.
32. Mróz L. Syndrom pogranicza. Uwagi na temat badań świadomości etnicznej / L. Mróz // Konteksty. Polska Sztuka Ludowa. – Warszawa: Instytut Sztuki PAN, 1993. – № 3–4. – S. 51–57.

RESUME

The article represents the review of problems on which the Russian and Belarusian scholars – specialists in ethnolinguistics, dialectology and folklore studies – have concentrated their efforts in recent years. The focus of the research team is the formation, development and features of the folklore traditions of the Russian-Belarusian borderline. This is a unique cultural phenomenon both in terms of content (plot-motive composition of the folk ritual tests and texts of folk prose, which combines the features of the neighbouring cultural traditions), and in terms of expression (dialectal peculiarities, reflected in the language of folklore and local forms of traditional culture). The research work is aimed first of all at the interdisciplinary study of areal distribution, interaction and modification of the folk stories, ritual forms and dialectal peculiarities in the region of the Belarusian-Russian lingua-cultural borderlands. The result of research should become the full index of «border» plots and motifs of folklore texts of different genres, existing in the Russian-Belarusian borderlands.

Key words: ethnolinguistics, dialectology, folklore, text analysis, plot, motif, structure, cultural areal, tradition, legends, narrative.

УДК 82–91

О.В. Белова

АРЕАЛЬНАЯ СТРУКТУРА БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье представлен обзор научных проблем, над которыми в последние годы вели и продолжают вести совместную работу российские и белорусские ученые – специалисты в области этнолингвистики, диалектологии и фольклористики. В центре внимания исследовательского коллектива – формирование, развитие и особенности фольклорной традиции русско-белорусского пограничья. Это уникальное культурно явление как в плане содержания (сюжетно-мотивный состав фольклорных обрядовых тестов и текстов несказочной прозы, объединивший в себе черты соседствующих культурных традиций), так и в плане выражения (диалектные особенности, отраженные в языке фольклора и в локальных формах традиционной культуры). Исследование направлено прежде всего на междисциплинарное изучение ареального распределения, взаимодействия и модификации фольклорных сюжетов, обрядовых форм и диалектных особенностей в регионе белорусско-русского лингвокультурного пограничья. Результатом исследования должен стать максимально полный индекс «пограничных» сюжетов и мотивов фольклорных текстов различных жанров, бытующих на российско-белорусском пограничье.

Ключевые слова: этнолингвистика, диалектология, фольклор, жанр, сюжет, мотив, текстология, структура, ареал, традиция, легенды, предания, нарратив.

UDK 82–91

O.V.Belova

AREAL STRUCTURE OF THE BELARUSSIA-RUSSIAN LINGUOCULTURAL BORDERLANDS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF RESEARCH

The article represents the review of problems on which the Russian and Belarusian scholars – specialists in ethnolinguistics, dialectology and folklore studies – have concentrated their efforts in recent years. The focus of the research team is the formation, development and features of the folklore traditions of the Russian-Belarusian borderline. This is a unique cultural phenomenon both in terms of content (plot-motive composition of the folk ritual tests and texts of folk prose, which combines the features of the neighbouring cultural traditions), and in terms of expression (dialectal peculiarities, reflected in the language of folklore and local forms of traditional culture). The research work is aimed first of all at the interdisciplinary study of areal distribution, interaction and modification of the folk stories, ritual forms and dialectal peculiarities in the region of the Belarusian-Russian lingua-cultural borderlands. The result of research should become the full index of «border» plots and motifs of folklore texts of different genres, existing in the Russian-Belarusian borderlands.

Key words: ethnolinguistics, dialectology, folklore, text analysis, plot, motif, structure, cultural areal, tradition, legends, narrative.

Белова Ольга Владиславовна, ведущий научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, доктор филологических наук. Адрес: 119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, Телефон: +7 (495) 938-17-80, Факс: +7 (495) 938-00-96, электронный адрес: kotmonya@yandex.ru

Olga Vladislavovna Belova, a leading researcher of the Department of Ethnolinguistics and Folklore of the Institute for Slavic Studies, Doctor of Philology. Address: 119334 Moscow, Leninsky Prospect, 32-A, Phone: +7 (495) 938-17-80, Fax: +7 (495) 938-00-96, e-mail: kotmonya@yandex.ru